

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

СТРАТЕГИЯ НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ КАК УСЛОВИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА В XXI ВЕКЕ

БАЙНЕВ В. Ф.

АННОТАЦИЯ

В статье раскрыто значение промышленности и промышленной политики для обеспечения глобальной конкурентоспособности. Показано, что сегодня условием технотронного инновационного прорыва является отказ от классической конкурентно-рыночной доктрины развития в пользу интеграционной системы экономических знаний. Исходя из этого, обоснована необходимость скоординированной межгосударственной промышленной политики Беларуси и России, целью которой должна стать новая индустриализация.

Ключевые слова: Беларусь; Россия; Союзное государство Беларуси и России; промышленность, промышленная политика; индустриализация; новая индустриализация; интеграция; сотрудничество; кооперация.

NEOINDUSTRIALIZATION STRATEGY AS A CONDITION OF THE GLOBAL COMPETITIVENESS OF THE UNION STATE IN THE XXI CENTURY

BAYNEV V.F.

ABSTRACT

The article addresses to the importance of industry and the industrial policy to ensure global competitiveness. It is showcased that the rejection of the classical competitive market development doctrine in favor of the integration of economic knowledge is the indispensable condition for innovation technetronic breakthrough in today's world. Based on this view, the author justifies the necessity of a coordinated inter-state industrial policy of Belarus and Russia aimed on the new industrialization.

Keywords: Belarus; Russia; The Union State of Belarus and Russia; industry; industrial policy; industrialization; new industrialization; integration; collaboration; cooperation .

Цивилизация вступила в технотронный XXI век, когда решающим фактором не только конкурентоспособности, но и элементарного выживания станет промышленность, индустрия. Не секрет, что даже сегодня место любой страны в иерархии технологически развитых держав всецело определяется тем, какие она создает автомобили, самолеты, локомотивы, суда, электронику, вооружения и т.д., а также технику и технологии, с помощью которых все это производится. Чтобы убедиться в исключительной значимости промышленного комплекса, достаточно просто оглядеться вокруг: столь необходимые нам в повседневной жизни продукты питания, одежда, мебель, жилища, предметы быта, транспортные средства и т.д. – все это продукция промышленных предприятий. И даже пресловутые услуги – будь то

простейшие бытовые или сложнейшие коммуникационные и банковские – просто немислимы без результатов труда промышленных предприятий, начиная с элементарных ножниц и косметики и заканчивая микропроцессорами и глобальными компьютерными сетями.

Однако научно-технический прогресс (НТП) не стоит на месте. Сегодня мир находится на этапе становления очередного, уже VI-го по счету, технологического уклада, основу которого составляют нано-, био-, информационные и коммуникационные технологии. По мнению советника российского президента академика Сергея Глазьева, всего через каких-то 5 лет в этих сегментах – новейших производствах – во всем мире будет задействовано около 10% рабочей силы, главным образом, инженеров и ученых. Сегодня, на

этапе бурного становления, данный высокотехнологичный комплекс растет темпом 35% в год, а к концу десятилетия прогнозируется его выход на стабильное многолетнее развитие с темпом 20-25% в год с объемом инвестиций около 400 млрд долл. ежегодно. В связи с этим специалисты поправляют – *мир вступает не в постиндустриальную, как это лукаво наушают нас нынешние лидеры мировой экономики, заинтересованные в технико-технологической деградации и деиндустриализации своих конкурентов, а в неоиндустриальную эпоху* [1, 2].

Иными словами, если страны бывшего СССР не желают оказаться в списке стран с «банановыми» и «сырьевыми» экономиками, то они по примеру технологически развитых держав должны срочно приступить к реализации новой промышленной (индустриальной) политики. Очевидно, что новая индустриальная политика (неоиндустриализация) станет мощным локомотивом и катализатором инновационного развития и модернизации народного хозяйства в целом, ибо промышленность – это отрасль, поставляющая прогрессивные средства труда и предметы быта во все прочие отрасли и сферы жизнедеятельности общества.

Следует пояснить, что индустриальное развитие – это непрерывный, перманентный процесс, первая фаза которого – индустриализация, реализованная в соответствии с формулой «*электрификация + механизация народного*

хозяйства» – успешно пройдена всеми развитыми странами, включая Советский Союз, в первой-второй половине прошлого века. Термин «неоиндустриализация» означает, что в наши дни мир вступает в очередную, новую фазу индустриального прогресса, реализуемую в соответствии с принципиально новой формулой «*автоматизация национальной экономики + вертикальная интеграция производств и капиталов*» [1, 2]. Это выражается, с одной стороны, в ускоренном росте количества встроенных микроконтроллерных управляющих устройств, позволяющих многократно повысить производительность физического и управленческого труда. С другой стороны интеграционная доктрина развития проявляется в быстром нарастании концентрации капиталов и прибыли под контролем сверхкрупных, обладающих колоссальной монопольной силой транснациональных корпораций (ТНК). В итоге специалисты все больше склоняются к мнению, что «мировой рынок – это монополизированный рынок без конкурентов» [3, с. 180]. Об этом свидетельствует, например, быстрый рост экономического могущества американских ТНК на фоне практического сведения на нет роли малого и среднего бизнеса (таблица 1). Разумеется, аналогичные процессы характерны и для других технологически развитых стран, отчетливо демонстрирующих отнюдь не развитие конкуренции, а наоборот, ее угасание [4].

Таблица 1

Долгосрочная тенденция нарастания концентрации капитала и прибыли под контролем крупных корпораций США в период с 1970 по 2005 гг.

Год	Всего, %	Размер компании (величина ее капитала), млн долл.						
		менее 10	от 10 до 25	от 25 до 50	от 50 до 100	от 100 до 250	от 250 до 1000	1000 и выше
Доля в совокупном капитале, %								
1970	100	11,95	3,54	3,48	4,49	8,26	19,45	48,82
1990	100	5,42	2,83	2,13	2,76	4,71	10,93	71,21
2000	100	3,54	1,76	1,49	1,87	3,09	8,03	80,23
2005	100	2,90	1,47	1,20	1,54	2,44	7,24	83,21
Доля в совокупной прибыли, %								
1970	100	9,84	2,84	2,93	3,85	8,10	20,52	51,91
1990	100	7,74	4,69	2,51	2,42	3,20	6,46	72,99
2000	100	6,02	2,48	1,24	1,00	1,27	5,49	82,50
2005	100	4,29	1,59	0,98	0,97	1,99	4,12	86,06

Источник: [2, с. 20].

Интеграционные тенденции проявляются не только на уровне быстро растущих субъектов хозяйствования, но и в рамках национальных экономик, а также на межгосударственном, глобальном уровне. Так, исследования МВФ доказывают, что за последние 125 лет во всех без исключения наиболее развитых странах мира роль государства – этого мощного интегрирующего экономику и общество института – выросла в среднем в 4,5 раза (таблица 2). А усиление роли мощных межгосударственных союзов и блоков (G7, G20, ЕС, ОЭСР, ОПЕК, ШОС, МЕРКОСУР, НАФТА и др.) вообще сделалось общемировой тенденцией, отображающей поистине глобальный характер интеграционных процессов.

Есть все основания утверждать, что столь очевидный отказ технологически развитых стран от классической конкурентно-рыночной доктрины развития в пользу интеграционной системы экономических знаний связан с необходимостью перехода к технотронной, основанной на высокотехнологичных и наукоемких производствах экономике. И действительно, сегодня, когда знание является главной производительной силой и одним из наиболее ценных и дорогостоящих ресурсов, рыночное поведение конкурирующих субъектов хозяй-

ствования обрекает их на нерациональное дублирование затрат на НИОКР. По мере увеличения стоимости исследований и разработок, что свойственно основанной на знаниях экономике, растут указанные бесполезные потери ресурсов в рыночно ориентированной экономической системе. Последнее обстоятельство делает конкурентно-рыночную модель развития бесперспективной в условиях формирования технотронной экономики, поскольку внутренняя конкуренция из механизма стимулирования инновационной активности превращается в активный тормоз научно-технического прогресса. Стремление исключить нерациональное дублирование дорогостоящих затрат на НИОКР побуждает лидеров мировой экономики отказываться от рыночных принципов взаимодействия субъектов хозяйствования – индивидуализма и конкуренции – в пользу интеграции, сотрудничества и кооперации бывших конкурентов в рамках быстро растущих мегакорпораций (ТНК и МНК) при активном патронаже со стороны государства. Кроме того, стремительно растущая стоимость исследований и разработок делает невозможным их осуществление силами отдельных конкурирующих фирм, что опять-таки стимулирует их к интеграции и сотрудничеству.

Таблица 2

Долгосрочная тенденция роста государственных расходов в странах ОЭСР в период 1870–1996 гг., % ВВП

Страны/Годы	1870 г.	1913 г.	1937 г.	1960 г.	1980 г.	1990 г.	1996 г.
Австрия	-	-	20,6	35,7	48,1	38,6	51,7
Бельгия	-	13,8	21,8	30,3	57,8	54,3	54,3
Великобритания	9,4	12,7	30,0	32,2	43,0	39,9	41,9
Германия	10,0	14,2	34,1	32,4	47,9	45,1	49,0
Испания	-	11,0	13,2	30,1	42,1	53,4	52,9
Италия	11,9	11,1	24,5	30,1	42,1	53,4	52,9
Канада	-	-	25,0	28,6	38,8	46,0	44,7
Норвегия	5,9	9,3	11,8	29,9	43,8	54,9	49,2
Нидерланды	9,1	9,0	19,0	33,7	55,8	54,1	49,9
США	7,3	7,5	19,7	27,0	31,4	32,8	33,3
Франция	12,6	17,0	29,0	34,6	46,1	49,8	54,5
Швеция	5,7	10,4	16,5	31,0	60,1	59,1	64,7
Швейцария	16,5	14,0	24,1	17,2	32,8	33,5	39,4
Япония	8,8	8,3	25,4	17,5	32,0	31,3	36,2
В среднем по странам ОЭСР	10,5	11,9	22,4	27,9	43,1	44,8	45,8

Источник: [5, p. 5].

Разумеется, описанные глобальные тенденции не могли не отразиться на развитии индустриально-промышленного комплекса лидирующих стран, которые были вынуждены прибегнуть к активному использованию рычагов и инструментов в рамках национальной научно-технической, инновационной, промышленной политики. В частности, в США все научно-технологические и промышленные прорывы регулярно осуществлялись и продолжают осуществляться в рамках многомиллиардных государственных (федеральных) программ. В Великобритании также на правительственном уровне официально утверждены и реализуются государственные приоритеты в области исследований и технологий «Research and Technology Priorities» (2001), государственный план действий «Science and Innovation Strategy», правительственная промышленная стратегия «Government's Manufacturing Strategy» (2002), созданы Совет по технологической стратегии Великобритании и Центр поддержки инноваций. По мнению многочисленных экспертов, все «экономические чудеса» XX века (Япония, Германия, Южная Корея, Китай, Индия) также являются следствием соответствующей глубоко продуманной и высокоэффективной государственной инновационной промышленной политики, всемерно способствующей вертикальной интеграции взаимосвязанных производств, прежде всего, в рамках ТНК. При этом государственная поддержка научно-технического прогресса (НТП) и промышленности в странах, совершивших научно-технологический прорыв, не только не ослабевает, но и нарастает быстрыми темпами [6, с. 26-27].

Описанная выше трансформация конкуренции предопределила еще одну новую глобальную тенденцию – возрастание координирующей и планирующей роли наднациональных органов управления в экономике, включая сферу научно-технического, инновационного, промышленного развития. Например, в ЕС в 2007-2013 годы реализована VII Рамочная программа научных исследований и разработок, согласно которой централизованные затраты на поддержку исследований и развитие научно-инновационной инфраструктуры союза достигли 73 млрд евро. Это в 4,2 раза больше бюджета аналогичной VI Рамочной программы, реализованной в 2000-2006 годы. В перечне стандартных мер этих и других аналогичных программ – исключение нерационального дублирования исследований

и разработок конкурирующими странами и корпорациями, реализация ими взаимодополняющих научно-исследовательских работ и производств, концентрация ограниченных ресурсов на стратегических направлениях НТП, достижение вертикальной интеграции науки и производств, входящих в единые технологические цепочки передела сырья в конечную продукцию.

Подлинным прорывом на концептуально-теоретическом уровне формирования неоиндустриальной экономики следует считать тот факт, что страны ЕС с традиционного уровня борьбы за «здоровую конкуренцию» внутри союза постепенно поднялись до осознания необходимости формирования его *коллективной конкурентоспособности на внешних рынках*. Специалисты отмечают важную деталь – в последние годы наши западные соседи в качестве стратегического приоритета развития обозначают не просто промышленную политику, а достижение именно **промышленной конкурентоспособности ЕС как целостной экономической системы**.

Следует пояснить, что теоретическим фундаментом столь очевидного отказа цивилизованных стран от классической конкурентно-рыночной доктрины в пользу интеграционной парадигмы развития лежит открытый в 1996 году российским экономистом Сергеем Губановым закон вертикальной интеграции, который запрещает получение прибыли с отдельных звеньев единых цепочек создания добавленной стоимости [1, 2]. Кстати, осуществленная вопреки данному закону приватизация, расчленившая некогда целостный народнохозяйственный комплекс СССР и безжалостно разрезавшая единые цепочки создания стоимости, во многом объясняет постигшую нас деиндустриализацию и сырьевую примитивизацию национальных экономик. И действительно, сырьевые олигархи, оказавшись в самом начале указанных цепочек, получили возможность постоянно растущими ценами на свою продукцию «взять за горло» обрабатывающий и исследовательский секторы, в результате чего мы получили резкое снижение промышленного, инновационного, научно-исследовательского потенциалов. Кроме того, наши страны закономерно столкнулись с «загадочно необоримой» инфляцией, ибо повышение эффективности производства и возникновение там дополнительной прибыли лишь разжигает аппетиты сырьевиков и энергетиков, вызывая рост цен на сырье и энергию.

Таким образом, допущенная в процессе приватизации рыночная дезинтеграция экономики, изгнание из нее государства в надежде на то, что «невидимая рука» рынка сама собой все обустроит, наивные упования на «здоровую конкуренцию» на фоне усиления монопольной силы западных ТНК и укрепления экономической роли национальных правительств – все это делает экономики стран бывшего СССР принципиально неконкурентоспособными. Как следствие, наши страны в последние десятилетия демонстрируют, увы, беспрецедентное снижение их промышленного потенциала. Мы неоднократно писали как в белорусской, так и российской литературе о деиндустриализации стран бывшего СССР как о прямой угрозе их экономическому и политическому суверенитету (см., например, [7]). В частности, ее прямым следствием стало то, что за годы рыночных реформ многие сегменты внутреннего рынка Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП), к сожалению, оказались захваченными нашими стратегическими конкурентами. Из таблицы 3 видно, что наибольшие потери наши страны несут на сегментах реализации продукции, относящейся к высшим (согласно классификации NACE Евросоюза) уровням технологичности, а также на отдельных, однако емких и потому весьма чувствительных рынках низкотехнологичных товаров.

Изложенное позволяет сделать следующий принципиальный вывод – для успешной модернизации и конкурентоспособного развития странам Союзного государства, ТС и ЕЭП, а в перспективе и создаваемого на их основе Евразийского экономического союза, необходимо кардинально пересмотреть базовую доктрину развития. По примеру технологически развитых стран нам необходимо уже сегодня отказаться от устаревшей конкурентно-рыночной парадигмы в пользу интеграционной системы экономических знаний.

На практике это должно выражаться в следующем. Прежде всего, задача достижения глобальной конкурентоспособности требует не просто прекратить компрадорскую политику выдачи под расчленяющую «секиру приватизации» все новых и новых порций общенародной собственности, но и пересмотреть ее итоги, особенно в части сырьевых и энергетических отраслей. Об актуальности последнего предложения свидетельствует, например, и то, что даже сами идеологи наших рыночных реформ не считают крупной частной собственностью на постсоветском пространстве легитимной [8]. Да и на Западе, немало поживившемся за годы наших рыночных реформ, приватизацию в бывшем СССР нередко отождествляют с «пиратизацией» (имеется в виду вышедшая в 2010 году книга М. Голдмана «Пиратизация России»), не говоря уже о нашем народе, именуемом ее не иначе как «прихватизацией».

Таблица 3

Структура реализации промышленной продукции на внутреннем рынке ЕЭП в 2012 году

Вид продукции	Реализация на свои национальные рынки, %	Взаимная торговля, %	Импорт из третьих стран, %
<i>Продукция высокой технологии</i>			
Фармацевтическая продукция	28,2	1,5	70,3
Электрооборудование, электронное и оптическое оборудование	40,5	4,3	55,2
<i>Продукция средневысокой технологии</i>			
Машины и оборудование	44,6	4,3	51,0
Продукция химической промышленности	45,0	4,8	50,2
Продукция машиностроения	48,1	4,2	47,7
Транспортные средства и оборудование	55,6	4,1	40,3
<i>Продукция средненизкой технологии</i>			
Резиновые и пластмассовые изделия	59,6	6,5	33,9
Продукция обрабатывающей промышленности	65,1	4,5	30,5
Металлургическое производство и готовые металлоизделия	73,1	6,8	20,2
Прочие неметаллические минеральные продукты	85,2	3,1	11,7

Вид продукции	Реализация на свои национальные рынки, %	Взаимная торговля, %	Импорт из третьих стран, %
<i>Продукция низкой технологии</i>			
Кожа, изделия из кожи и обувь	22,1	4,1	73,8
Продукция легкой промышленности в целом	32,1	6,0	61,9
Текстиль и швейные изделия	35,6	6,6	57,8
Продукция деревообработки и изделия из дерева, мебель	46,9	10,7	42,4
Пищевые продукты, включая напитки и табак	79,7	3,9	16,4
Целлюлозно-бумажная продукция, издательская деятельность	78,9	2,7	18,4
Продукция горнодобывающей промышленности	50,3	43,8	5,9
Промышленная продукция, всего	68,6	5,4	26,1

Источник: составлено на основе данных доклада Сергея Сидорского «О подходах к промышленной политике в рамках Единого экономического пространства» на Международном семинаре «Согласованная промышленная политика как инструмент евразийской интеграции» (26-27 сентября 2013 г., г. Москва).

Исходя из необходимости достижения глобальной конкурентоспособности стран Союзного государства, созданных на его фундаменте Таможенного союза (ТС), Единого экономического пространства (ЕЭП), а в перспективе и Евразийского союза, Россия и Беларусь уже сегодня должны приступить к формированию и реализации межгосударственной промышленной политики, определить приоритеты и целевые показатели процессов промышленной интеграции. Речь должна идти не о «здоровой конкуренции» внутри Союзного государства, ТС и ЕЭП, а о совместных, согласованных действиях по вытеснению наших общих стратегических конкурентов со своих внутренних рынков, а затем о противодействии им на внешних рынках. Для этого необходимо всемерно поощрять создание и рост крупных и сверхкрупных вертикально-интегрированных транснациональных корпораций (ТНК) с участием белорусского, российского, казахского, украинского и т.д. капиталов. Особенностями этих ТНК должны стать отнюдь не конкуренция, а кооперация и взаимное дополнение производств. Кстати говоря, необходимые правовые основы для этого имеются, поскольку Договор о ТС и ЕЭП своей статьей 32 прямо предусматривает, что участвующие в нем страны «обязуются способствовать созданию эффективных взаимодополняющих производств с учетом взаимных экономических интересов государств» [9, с. 189].

Учитывая нынешнюю объективно существующую дезинтеграцию, раздробленность,

«атомизированность» национальных экономик постсоветских стран, допущенную в «лихие 90-е» под лозунгом построения свободного рынка, действенным инструментом вертикальной интеграции производств может и должен стать институт обязательного госзаказа. В этом случае поставки продукции, например, отечественным обрабатывающим предприятиям теми же сырьевыми и энергетическими олигархами, нынче предпочитающими отправлять свою продукцию на Запад, даже без национализации способны восстановить целостные цепочки создания добавленной стоимости, бездумно расчлененные «секирой приватизации».

Разумеется, реализация описанных принципов и приоритетов инновационного развития промышленного комплекса предполагает создание органов стратегического и оперативного планирования как в странах Союзного государства, ТС и ЕЭП, так и на надгосударственном уровне – в рамках ЕЭК.

Думается, подобный экономический базис и станет тем мощным фундаментом, на котором будут восстановлены некогда так бездумно порушенные связи между нашими братскими народами. И действительно, в условиях, когда борьба за ограниченные ресурсы вышла на межгосударственный уровень и мировая экономика во многом сделалась похожей на турнир футбольных команд (ЕС, ОЭСР, МЕРКОСУР, НАФТА и т.д.), наивно уповать на внутреннюю конкуренцию, когда игроки одной и той же команды враждуют и вообще уничтожают друг друга. Понятно, что такая «рыночно ориенти-

рованная» команда, члены которой в погоне за индивидуальным результатом враждуют, конкурируют друг с другом, обречена на поражение перед лицом сплоченных, ориентированных тренером (государством) на общий, командный результат дружин.

И, разумеется, требуется немедленный, решительный отказ от завезенной к нам из-за океана в качестве «троянского коня» конкурентно-рыночной экономической научно-образовательной парадигмы. Ее нынешний убогий «экономиксовый» вариант не просто программирует самоубийственную дезинтеграцию как рыночную «войну всех со всеми», но и, выдвигая на первый план удовлетворение безграничных потребностей индивида, игнорирует задачи расширенного воспроизводства и развития, является теоретическим фундаментом чудовищной экономической дифференциации и духовно-нравственной деградации людей, губительного для всех нас конфликта человека и природы.

Список литературы

1. Губанов С. Державный прорыв. Неоиндустриализация и вертикальная интеграция. – М.: Книжный мир, 2012. – 224 с.
2. Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. – 2008. – № 9. – С. 3-27.
3. Лемещенко П. С. Институциональная природа денег, или К основанию тайны финансового кризиса // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2009. – № 2. – С. 170-189.
4. Гордеев В. А. Тенденция к взаимодействию и сотрудничеству вместо конкуренции: новое подтверждение идеи Т. С. Хачатурова // Вестник Московского университета. – Серия 6 «Экономика». – 2007. – № 2. – С. 16-27.
5. Tanzi Vito. The Demise of the Nation State? // IMF Working Paper 98/120. – 1998. – August. – P. 3-7.
6. Россия – Беларусь: инновационная политика и интеграционное взаимодействие: колл. монография / Под ред. Г. А. Власкина. – М.: Институт экономики РАН, 2006. – 268 с.
7. Байнев В. Ф. Монетарные факторы деиндустриализации // Экономист. – 2009. – № 4. – С. 35-46.
8. Явлинский Г. Необходимость и способы легитимации крупной частной собственности в России: постановка проблемы // Вопросы экономики. – 2007. – № 9. – С. 4-26.
9. Белорусский путь / Под ред. О. В. Пролесковского и Л. Е. Криштаповича. – Министерство информации Республики Беларусь. – Минск: Мастацкая літаратура, 2012. – 510 с.